СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 1985, 26 февр.

КОНЕЦ ИГРЫ

«Кто боится Вирджинии Вульф?» Э. Олби в московском театре «Современник»

Зритель этого спектакля не знает, что случится в следующее мгновение с любым из его героев — рассмеется он или заплачет, замкнется в себе или яростно кинется на другого. В постановке Валерия Фокина захватывает неустанное, неожиданное, переменчивое движение живых чувств, находящих выражение в игре и порабощенных игрой, власть которой оказывается все же небезраздельной...

В «Современнике» играют Олби, играют согласно Олби, но играют по-своему, храня верность одной из главных своих тем — открытию глубинно человеческого в людях. Между тем персонажи Олби впадают в открытый наигрыш, ломают комедию и притворяются: профессор провинциального университета Джордж — для того чтобы укротить свою строптивую жену Марту; Марта — для того чтобы проучить непокорного Джорджа. Молодой преподаватель Ник и его жена Хани — чтобы подольститься к старшему коллеге, и прежде всего к его жене — ректорской дочке. Всяк гнет свою линию, и возникает квартет, напоминающий крыловский, где все играют невпопад.

В начальных сценах роль первой скрипки принадлежит Джорджу. В исполнении Валентина Гафта Джордж — изобретательный виртуоз, способный легко придумывать самые невероятные розыгрыши, свободно импровизирующий на самые рискованные темы и охотно берущий на себя роль клоуна, выступающего на семейном «ковре» с невозмутимым, чуть грустным, как у несмеющегося короля смеха Бестера Китона, видом. Он кружит вокруг Ника, как вокруг диковинного экспоната и драматически притворно причитает, узнав, что гость биолог: должно быть, он из тех, кто переделывает гены, дабы рождались одни стопроцентные американцы. В белозубом, с иголочки одетом госте и впрямь проглядывает близость трафаретному образцу с рекламного щита. Нет сомнения, что он поспешил в этот дом в столь поздний час, думая о видах на будущее. Правда, ожесточенность довольно грубых у Олби выпадов Джорджа против Ника затушевана в спектакле, и все же у гостя голова идет кругом, глядя на высший пилотаж гаерства, демонстрируемый хозяином. Александр Кахун играет не успевшего опериться пай-мальчика, одного из тех миловидных «отличников», из которых выходят хваткие люди. Но и карьеру он мечтает сделать пристойно и явно теряется, заметив, что хозяйка уж очень беззастенчиво любезничает с ним, а хозяин откровенно пробует его на зубок, к тому же ему надо присматривать за женой, опрокидывающей стакан за стаканом.

Марина Неелова играет Хани смело, с гротескной резкостью. Ослепительная улыбка до ушей и настороженный взгляд, гладко причесанные белокурые волосы, огромные круглые очки тихой сельской учительницы и взвинченные манеры провинциалки, старающейся казаться светской дамой, деланная беспечность и нешуточная встревоженность. Подслеповатая, во всех смыслах недальновидная, она впивается глазами в окружающих, подается вперед, вытягивает шею, словно пытаясь что-то рассмотреть вплотную, ухватить нить разговора, и, безнадежно потеряв ее, выдает нечто совсем ни к селу, ни к городу...

И, разумеется, потешна Марта Галины Волчек — шумная, неугомонная, радостно-хмельная. В ней всего с избытком — даже в ее вульгарности и беспардонности чувствуется ключом бьющее жизнелюбие.

Однако забавная увертюра к спектаклю не должна настраивать на легкомысленный лад. Театр, уже обращавшийся ранее к «Балладе о невеселом кабачке» Эдварда Олби, видит в нем одного из самых горьких и смелых художников в современном западном искусстве. На первый взгляд камерная пьеса оказывается на редкость социально емкой, открывающей широкую панораму действительности. Взаимное притяжение и отталкивание ее героев, резкие, лихорадочные перепады чувств, когда любовь в мгновение ока сменяется ненавистью, а ненависть — любовью, теснейше связаны с состоянием общества. Даже в развлечениях царит не радостная беззаботность, а жажда во что бы то ни стало обойти другого, любые отношения сводятся к отношениям господства и подчинения.

Ввергая нас в водоворот событий, когда в течение нескольких ночных часов две супружеские пары дурачатся и сводят самые серьезные счеты, выдумывают небылицы и исповедуются в заветном, театр сосредоточивает внимание на сложности побуждений и мотивов, на противоречивости душевной жизни. Так, нелегко сказать, задумала ли Марта что-то против Джорджа или ради Джорджа. Ей искренне обидно, что Джордж не занимает в обществе то положение, которого он достоин, и она злится на него за то, что он не «вышел в первачи», не оказался во главе шеренги. Но чем больше тешит современниковскую Марту жажда расправы над Джорджем, тем больше снедает ее подозрение, что, привыкшая все брать нахрапом, она губит самое дорогое в жизни. Театр словно выделяет курсивом мгновения, когда Марта, словно опомнившись, забыв о схватке, отстранившись от нее, пытливо вглядывается в Джорджа, сознавая, что лишь он один ее по-настоящему влечет и занимает. Эта Марта несомненно любит своего мужа, ей жаль его, ею истерзанного, но она еще больше — порой, пожалуй, слишком откровенно — жалеет себя, его терзающую. В трактовке Галины Волчек чрезвычайно важно то, что существуют как бы две Марты: одна, живущая по мощной и все же находящейся уже на излете инерции, привычно кипятится, грубо кокетничает, всеми распоряжается и понукает, другая же испытывает непомерную усталость и грусть оттого, что борьба за самоутверждение, за власть над окружающими приносит лишь пирровы победы.

Короче, театр убеждает нас, что перед нами вовсе не монстры, но нам вдвойне страшно оттого, что, действуя беспощадно, люди переступают через человеческое в себе, сами себя увечат. Каждый здесь ранит и ощущает себя раненым, каждый и агрессивен, и беззащитен. Так, Ник А. Кахуна далеко не окончательно зачерствел душой: он жалеет Хани, на которой женился ради денег, и тяготится зрелищем взаимного побоища, устраиваемого Мартой и Джорджем. И все же он все более охотно подыгрывает Марте, издевающейся над Джорджем, будто ощущая, что презрение к неудачникам — алиби, чтобы увереннее подниматься по чужим головам вверх.

Притягательность Джорджа в том, что в течение долгого времени ему удается обращать оскорбления Марты в шутку, выдавать за фехтовальные выпады в состязании остроумием. Интеллигентный и артистичный герой Гафта не выбрался в руководители факультета не потому, что у него, как выражается Марта, «кишка тонка», а потому, что богато одарен многим: насмешливым умом, сознанием ничтожности возни возле престижных местечек. Он предпочитает дурачиться, нежели впрягаться в лямку и тащить ее по проторенной колее. Непрестанные выдумки Джорджа порождены яркой фантазией. Джордж рассказывает Нику сюжет некогда написанного им романа, будто с ностальгически светлой печалью погружаясь в картины воспоминаний, и у слушателя нет ни малейшего сомнения, что все это случилось на самом деле. Но роман так и остался ненапечатанным, Джордж стушевался, подчинился запрету тестя, и в упреках Марты, что ему нравится быть поверенным, есть своя доля истины: порой Джордж прячется в игру, как страус, зарывающий голову в песок в минуту опасности...

Скажи мне, в какую игру ты играешь, и я скажу тебе, что ты за человек. Беда в том, что игра-творчество и игра-кабала, игра, чтобы другого порадовать, и игра, чтобы другого поработить, игра по установленным добровольно правилам и игра согласно законам отчаянного соперничества — эти столь разные игры сплетаются в спектакле в единый клубок. Пыл сражений, к счастью, порой оказывается бенгальским огнем, но чаще шутливая пикировка переходит в рукопашный бой. Наступает момент, когда Джордж, столь непринужденно чувствовавший себя вольным стрелком, в очередной раз задетый Мартой за живое, кидается в схватку, не разбирая правых и виноватых, обрушив всю силу удара на Хани.

Вряд ли он не понимает того, что становится ясно нам: Хани Марины Нееловой, делающая все, чтобы не иметь детей и глушащая алкоголем жажду материнства, находится на волосок от психического срыва. Не приукрашивая свою героиню, показывая ее истеричной, ограниченной, жеманной, актриса открывает силу и глубину чувств в ничтожном, на первый взгляд, существе. Не способная собрать мысли воедино, молодая женщина — комок нервов: на нее могут нахлынуть и потребность веселья, и паническое желание забыться, и детская беспечность, и ужас перед жизнью. Хани постоянно нуждается в Нике, только оперевшись на него, может унять свой страх и, узнав от Джорджа, что Ник ее предал, словно срывается в пропасть,— гротескный диссонанс, звучащий в этом образе, находит разрешение во всепоглощающем страдании.

Джордж чудовищно поступает с Хани, лицо его уподобляется бледной маске, похоже, что он сам ощущает, как охватывает его мертвенная оцепенелость, как опустошает злость.

И все же в последних сценах Джордж предстает во всеоружии, чтобы начать ту игру, которая, по его замыслу, должна положить конец всем играм, и, завладев всеобщим вниманием, спокойно сообщает ужасную новость: их с Мартой единственный сын не приедет завтра на свой день рождения — он погиб в автомобильной катастрофе!

Выясняется тут же, что Джордж и Марта бездетны, что сына они выдумали себе в утешение. Но что же руководит Джорджем: мстительное желание покончить с куражем Марты, обида за то, что она открыла посторонним мечту, которую они втайне лелеяли, нарушила правила игры, которой они предавались, или сознание того, что игры приняли чересчур опасный оборот? Наверное, сказались все эти мотивы, но решающим стала потребность покончить с самообманом, пусть и порождающим дорогие сердцу призраки. Воздушные замки, которые они строили не покладая рук, не объединили их, но становились предметом спора. Миражи, за которыми они гнались, обернулись преследующими их наваждениями.

Под занавес сквозь окна и стеклянные двери массивного особняка (художник С. Бархин) просачивается робкий утренний свет. Сколь он ни слаб, четверо узников безумной ночи начинают внимательно вглядываться друг в друга. Ник и Хани тихо покидают своих хозяев, словно боясь причинить лишнюю тревогу людям, к которым они в конце концов прониклись состраданием.

Восточная пословица гласит: тот, кто долго играет в призрака, превращается в него. Читая Олби, видишь, как мертвые личины готовы поглотить живые лица. Однако в постановке Валерия Фокина главное не демонстрация этих личин, а стремление найти, что скрывается за ними. Герои спектакля, выбравшие определенные социальные амплуа, роли в жизни, готовые всем ради них пожертвовать, начинают понимать, сколь роковыми оказываются подобные жертвы. Так, у Марты Г. Волчек сквозь маску бравой воительницы, готовой всех растоптать современной амазонки, проступают черты вконец измучившейся, несущей бремя тяжких разочарований женщины. У Хани М. Нееловой за маской провинциальной жеманницы открывается страстная потребность любить и быть любимой. За маской неколебимого карьериста Ника в исполнении А. Кахуна проглядывает человек, в котором самоуверенность борется с застенчивостью, и, наконец, за маской шута Джорджа В. Гафта — печальный и мудрый философ.

Мы можем постичь это, погружаясь в стремнину эмоций, ощутив напряжение переживаний, опаляющее подобно напряжению электрического тока. Именно к тому, чтобы раскрыть полноту прихотливого течения внутренней жизни, и была направлена режиссура Валерия Фокина, не пытающаяся обнародовать смысл трактовки в броских постановочных приемах, в «ударных» находках, но выводящая спектакль за сценические рамки, показывающая связь судеб четырех с драматическими коллизиями действительности, подчеркивающая бесконечную сложность душевных миров, не сводимых к самой яркой метафоре. Опираясь на перевод И. Кочнова, В. Вульфа (сценическая редакция В. Вульфа), стремящийся достичь максимальной естественности разговорной речи, режиссер ставит спектакль о неизбежном конце игры, отступающей перед правдой, о превосходстве жизненной достоверности над всеми и всяческими условностями.

Думается, что страстную потребность любви у Марты Г. Волчек порой выражает чуть сентиментально, что Джордж — В. Гафт, напротив, ощущает лишь жалость, а не подлинную страсть к Марте, что режиссеру, дающему большой простор актерам для импровизации, не удается порой избежать разноголосицы, но в целом ведущий к тяжкому и необходимому нравственному прозрению спектакль оказывается незаурядным событием театральной жизни.

В. СИЛЮНАС.

● *Сцена из спектакля. Марта — народная артистка РСФСР Г. Волчек, Джордж — народный артист РСФСР В. Гафт.*

Фото В. Киселева.